

водило к постоянной конкуренции между управителями хошунов. Это в свою очередь предотвращало возможность децентрализации власти, укрепления сепаратистских тенденций на местах.

¹ Усинский пограничный округ был создан 30 декабря 1885 г.

² Глава рода.

³ Князья, не имевшие почетных титулов, но бывшие полноправными правителями на подведомственной им территории.

⁴ Позднеев А.М. Монголия и Монголы. СПб., 1896. Т. I, II; Он же. Монгольская летопись «Эрденийн Эрихэ». СПб., 1883; СПб., 1899; Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. Вып. III, IV.

⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.–Л., 1950. Т. I, II; Он же. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834.

⁶ Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. Минусинск, 1900; Кон Ф.Я. Экспедиция в Сойотию. За пятьдесят лет. Собрание сочинений. Т. III. М., 1934; Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. III. Вып. 1. Ленинград 1926; Кабо Р.М. Очерки истории и экономики Тувы. Часть первая. Дореволюционная Тува. М.–Л., 1934; Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969.

⁷ Дацышен В.Г. Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616–1911 гг. Томск, 2005.

⁸ Рукопись «История прежних нойонов тувинского народа» (на монг. яз.). Эта рукопись в 1927 г. была получена А.В. Бурдуковым в г. Кызыле Танну-Тувинской Республики от студента Восточного института Генин-Дарма Нацова. В 1929 г. А.В. Бурдуков передал эту рукопись Азиатскому музею АН СССР, в настоящее время рукопись хранится в рукописном фонде Санкт-петербургского отделения Института Востоковедения РАН.

⁹ Чалан – чиновник особых поручений при чызаане (управление), получающий свое звание и лишаящийся его по усмотрению амбын-нойона.

¹⁰ Административно-территориальная единица Республики Тыва.

¹¹ Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Сочинено монахом Иакинфом. СПб., 1834. С. 127–128, 131–136.

¹² Кабо Р.М. Очерки истории и экономики Тувы. С. 59–60.

¹³ Бичурин Н.Я. Там же. С. 130.

¹⁴ Урянхайский край – так именовалась территория современной Тувы в русских документах с XVIII в.; «урянхайцы» – так монголы именовали тувинские племена. Подробно об этимологии термина «урянх», «уранга» пишет Г.Н. Потанин в кн.: Очерки Северо-Западной Монголии. С. 662–664.

¹⁵ Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. Перевод с китайского П.С. Попова. СПб., 1895. С. 70–73, 107, 404–405, 448–451.

¹⁶ «История нойонов тувинского народа».

¹⁷ «Огурта, огурда, угурда, ухэр-да (у Г.Н. Потанина «ухырда»). Ухерида – по-китайски цзун-гуань – правитель, пользовавшийся правами цзасаков,

только должность их не наследственна, а выборная, с утверждением цзянь-цзюня.

¹⁸ Монгольские князья владельцы хошунов имели печать серебряные печати с ручкой в форме тигра (символ власти), тогда как тувинские владельцы имели только амбын-нойон медную с простой ручкой гвоздем, а угурда – деревянные.

¹⁹ Мээрен-чангы (мейрен-цзангин) – начальник бригады хошуна, командир дивизии.

²⁰ Административно-территориальная единица Республики Тыва.

²¹ Административный центр тувинских хошунов в конце XVII – начале XX в.

²² Потомственный дворянин, сын владетельного князя. Тайджи (тайчжи, тайцзи) разделялись на четыре степени. И только тайджи I степени могли стать правителями княжества.

²³ Должность цзянь-цзюня была учреждена в 1733 г. во время войн с джунгарами.

²⁴ Слово «арбан» разъясняется с монгольского языка термином «десяток», т. е. мелкая единица военно-административного деления.

²⁵ Липовцев С.В. Уложение Китайской палаты внешних сношений. (Пер. с маньчжур). Т. I. СПб. 1828. С. 100.

²⁶ Бруннерт И.С. и Гагельстром В.В. Современная политическая организация Китая. Пекин. 1910. с. 371.

²⁷ «Амбын-нойон», «амбань» слово маньчжурское переводимое на монгольский язык словом «сайт», титул, которым именуют в Монголии высших правителей.

²⁸ Князь V степени.

²⁹ Бэйле (до-ло бэйле) – князь III степени.

³⁰ ведал судебными делами и делами иностранцев, проживавших в пределах хошуна

К. В. Фадеев

Культурная жизнь сибирского города: Томская губерния с 1890-х годов по февраль 1917 года

Культурная жизнь отражает исторически сложившийся тип развития общества, его творческий и интеллектуальный потенциал, который находит воплощение в разнообразных формах организации и деятельности людей. Являясь воспроизведением и результатом самоопределения народа или индивида, его воли, культура становится мощным средством обновления социального бытия.

Под культурной жизнью понимается история формирования и функционирования учреждений культуры (библиотек, кинематографа, театров, передвижных художественных выставок, обществ начального и народного образования и других культурно-просветительных организаций)

с учетом обратных связей с обществом. Другими словами, в понятие «культурная жизнь» включается как деятельность перечисленных организаций, так и уровень вовлеченности населения в подобную деятельность.

Территориальные рамки работы охватывают Томскую губернию в административных границах до 1917 г. (ныне это территория Томской, Новосибирской, Кемеровской областей, Республики Алтай и Алтайского края), где проживало накануне 1917 г. – 4503,9 тыс. чел., или 40% всего населения Сибири.

Хронологические рамки исследования – 1890-е – февраль 1917 гг. – это начало ускоренного развития страны и перехода к индустриальному обществу, что неминуемо отразилось на социокультурной динамике Томской губернии; на конец XIX в. также приходится время общественно-политического подъема в Сибири, развития общественных организаций интеллигенции. Февраль 1917 г. имеет переломное значение для судеб страны и региона.

К началу XX в. губернские города превращаются в крупные культурные центры. Культурная жизнь города опиралась на целую систему учреждений культуры. Если центральным объектом инфраструктуры города предшествующей эпохи была церковь с сопутствующими ей учреждениями, то во второй половине XIX в. она начинает постепенно оттесняться на второй план. Центрами культурной жизни становятся учебные заведения (университет, технологический институт и т. п.), библиотеки, театр и кинематограф. В это же время происходит процесс формирования новой парадигмы культурного развития – так называемой массовой культуры. Она возникает в ходе изменения образа жизни горожан, условий и возможностей их досуга и развлечений.

Для создания инфраструктуры массовой культуры в городах большое значение имел фактор распространения начальной грамотности населения. Всего грамотных в стране в 1897 г. было 21,1%. Среди мужчин грамотных насчитывалось в 2,3 раза больше, чем среди женщин. Грамотность среди сельского мужского населения не превышала 17,4%, среди женщин она была в 2,6 раза ниже. Новая техническая эпоха предъявляла столь стремительно растущие требования к образованию, что российское Министерство просвещения не успевало составлять адекватные времени проекты преобразований в этой сфере. В 1910 г. почти миллион детей оставались вне школы. Таким образом, с самого начала, реформа школьного дела в эпоху становления массовой культуры страдала половинчатостью¹.

Образование взрослого населения государством не предусматривалось, поэтому инициатива всеобщего обучения исходила от общественных организаций. Взрослые горожане могли получить элементарный уровень грамотности в воскресных школах, воспользовавшись системой

внешкольного образования. В основе их организации лежал принцип добровольности: посещение было не обязательным, отсутствовали экзамены и ограничения по полу и возрасту. Именно поэтому из 180 тыс. городского населения губернии воскресные школы посетило лишь 4% горожан, из которых взрослых было не более 1%².

Источником дополнительного просвещения широких слоев горожан являлись также публичные лекции и народные чтения. В Томске они проводились с 1883 г. Обществом попечения о начальном образовании. Длительное время все попытки ходатайствовать об организации чтений в уездных городах носили безрезультатный характер. Лишь после разрешения организации подобных мероприятий при Духовном ведомстве, они были открыты в ряде городов губернии. Эти чтения не требовали от аудитории какой-либо специальной подготовки и содержали элементарные сведения о том или ином предмете. Повышенный интерес к ним со стороны населения был обусловлен демонстрацией «туманных картин» с помощью «волшебного фонаря», который был диковинкой для сибирских городов на рубеже веков. Это то, что касается учреждений культуры в старых городах губернии Томске и Барнауле. Нас же интересуют молодые города, появившиеся уже в XX в.

Проведение Транссибирской магистрали ускорило динамику социально-экономических процессов на востоке и расширило культурные связи Томской губернии с другими культурными центрами страны. Начало нового столетия характерно быстрым ростом рабочих поселков вокруг угольных шахт, золотых рудников и железнодорожных станций, которые возникли в рамках реализации крупномасштабного проекта Копикуза: Юрга, Топки, Щегловск (Кемерово), Кольчугино (Ленинск-Кузнецкий). В наиболее крупных из них шел интенсивный процесс складывания городского образа жизни, что находило отражение в быте и культуре. Но основная масса жителей городских окраин продолжала жить в традициях народной культуры.

Во всех крупных сибирских городах в XIX в. существовали дворянские («благородные», «общественные»), офицерские, купеческие («коммерческие») собрания или клубы, в уставах которых основной задачей называлось «представление членам возможности проводить свободное время с удобством, приятностью и пользой». Их деятельность сводилась к устройству бал-маскарадов, благотворительных вечеров, клубных обедов и ужинов, организации карточных игр, праздным беседам. Большое место в жизни клубов занимали любительские постановки драматических и даже оперных спектаклей, гастрели профессиональных трупп, реже проводились лекции и доклады по вопросам литературы, искусства и науки³.

Инженеры и служащие посещали Общественные собрания Мариинска и Новониколаевска и собрание служащих в Тайге и на Анжерском руд-

нике. Наибольший интерес для членов этих клубов представлял буфет, комната для разнообразных азартных карточных игр, бильярд. В помещении Общественного собрания, имевшего зрительный зал с эстрадой, устраивались концерты местных и заезжих музыкантов, иногда давались спектакли местными любителями, а в дальнейшем проходили сеансы кинематографа. Широко практиковалось устройство различных «бал-маскарадов», «лотереи-аллегри», танцевальных вечеров. Иногда они носили благотворительный характер.

Также представители местной интеллигенции собирались друг у друга на квартирах. Эти встречи проходили обычно поздно вечером к большому недовольству местной полиции, которая вела за такими собраниями и их участниками бдительный надзор. Там обсуждались литературные новинки, местные новости, а иногда и серьезные политические проблемы.

Для отдыха и просвещения простого люда вслед за Европейской Россией и в Томской губернии развивается сеть Народных домов, которые относились к клубам открытого типа. Они имели широкую аудиторию и вели разностороннюю культурную деятельность, совмещая досуговую и просветительную функции. Желающие могли воспользоваться набором предлагаемых услуг в зависимости от своих потребностей и возможностей. Так, в 1905–1906 гг. были построены Народные дома в Мариинске и на Анжерском руднике, где проходили театральные постановки и сеансы кинематографа. Но в связи с войной они пришли в запустение. В Мариинске Народный дом сдавался в аренду заезжим фокусникам, а на Анжерском руднике был занят под контору⁴. Идея создания Народного дома в Новониколаевске родилась еще в 1902 г., но в связи с русско-японской войной это начинание отодвинулось на неопределенное время. В итоге Народный дом так и не был построен⁵.

И только в июне 1917 г. были созданы первые рабочие клубы на Анжерских и Судженских коях. При последнем был создан «Пролетарский драматический кружок», в котором принимали участие 80–100 чел., библиотека клуба насчитывала свыше 3 тыс. книг и 600 читателей, вела активную культурно-воспитательную работу⁶.

В начале XX в. в каждом провинциальном городке и рабочем поселке Томской губернии заработало по несколько кинематографов. Рост поселков городского типа выдвинул проблему досуга горожанина, поэтому недостатка в зрителях не было, поскольку новый вид развлечений привлекал широкие слои населения: рабочих, учащихся, интеллигенцию. В 1907–1908 гг. по всей губернии открываются первые стационарные электротeatры после того как в Омске и Иркутске были организованы специальные фирмы по прокату фильмов, что, естественно, уменьшило стоимость демонстрировавшихся лент.

Повышенный спрос рождал бум кинопредпринимательства, и к концу рассматриваемого периода кинотеатры были в каждом уездном городе и

рабочем поселке губернии. На станции Тайга уже в 1910 г. работало два кинематографа, в которых также проводились танцевальные вечера и ставились спектакли⁷. А в Новониколаевске функционировало целых десять кинотеатров: «Гигант», «Диана», «Москва», «Иллюзион», «Заря», «Модерн» кинотеатр Ф. Ф. Махотина и т. д.⁸ Кинематограф совершил прорыв в мироощущении людей: среди окружающей повседневности позволил прикоснуться к великолепному, неизвестному миру, ощутить обстановку богатых домов, накал жизненных страстей, окунуться в мир детективных приключений.

Одной из форм досуга продолжали оставаться традиционные народные ярмарки, которые носили сезонный характер. Так, в Мариинске с 16 октября по 15 ноября проходила многолюдная Казанская ярмарка. Зимой в большом балагане ставились временные торговые лавки. Летние ярмарки сопровождалась гуляньями, борьбой «под пояски», пением, открывались новые трактиры и харчевни, приезжали на гастроли фокусники, музыканты и кукольники-комедианты⁹.

В праздничные дни, а иногда по вечерам, население играло в мяч, лапту и бабки. В летнее время устраивали прогулки по реке на лодках. На базарах общества трезвости открывали чайные, устраивали народные гулянья. Купцы – члены этих обществ – представляли необходимые материалы, чай, посуду, мебель, самовары. Народные гулянья привлекали большое количество местных жителей, превращаясь в настоящий праздник. Излюбленным развлечением оставался цирк. Постоянный цирк-шапито Э. А. Стрепетова действовал лишь в Новониколаевске, а по уездным городам и рабочим поселкам весьма часто выступали «бродячие» циркачи¹⁰.

Одним из проявлений массовой культуры были праздники. Они служили не только развлечению и отдыху горожан, но и способствовали укреплению городского сообщества, а также социализации и приобщению подрастающего поколения к городской культуре. В губернии сложилась традиция проведения литературных праздников (100-летний юбилей А. С. Пушкина, 50-я годовщина смерти Н. В. Гоголя) и празднования различных исторических дат (200-летний юбилей Полтавской битвы, День покорения Сибирского ханства, 300-летие Дома Романовых в 1913 г.). Широко отмечались в Томской губернии и Праздники Трезвости в 1913 и 1914 гг. При организации праздников делался акцент на массовость мероприятий. В целом юбилеи оказывали большое влияние на все стороны жизни горожан, на материальную и духовную культуру. Они знакомили население с историей России, а города украшались новыми памятниками¹¹.

Таким образом, экономическое развитие индустриальных центров Томской губернии привело к увеличению количества рабочих поселков и складыванию городского образа жизни, а также к формированию в них

культурной жизни. В этих центрах складывается целая система учреждений культуры: учебные заведения, библиотеки, театр, кинематограф. Но на городских окраинах, в рабочей среде продолжали существовать традиционные народные праздники и пользоваться популярностью «бродячие» цирки, хотя появляются и элементы массовой культуры, к которой мы можем отнести светские праздники. С полной уверенностью можно говорить, что в своем культурном развитии новые индустриальные центры не отставали от старых городов губернии с их богатой культурной историей.

¹ Население России в XX веке. Исторические очерки. М., 2000. Т. 1. С. 21–24; Шелковский В.А. Проблемы развития начального образования в Сибири на страницах периодической печати (1907–1914 гг.) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 1996. С. 56–57.

² Подсчитано по: Вольфсон Д. Сибирские воскресные школы. Томск, 1903. С. 78, 217, 222, 224, 226, 237.

³ Туев В. В. Клубы Кузбасса // Историческая энциклопедия Кузбасса. С. 325.

⁴ История Кузбасса. Ч. 1–2. Кемерово, 1967. С. 206.

⁵ Муратова Л. Проблемы внешкольного образования в Новониколаевске: строительство Народного дома (начало XX в.) // «Есть Родина твоя...». Новосибирск, 2002. С. 25–27.

⁶ Лащевская В. М. История библиотек в контексте истории Кузбасса // Сельская библиотека и ее роль в сохранении и развитии культурно-исторического наследия Кузбасса. Кемерово, 2001. С. 52; Туев В. В. Указ. соч. С. 326.

⁷ Сибирская жизнь (Томск). 1910. 15 апр.

⁸ Новосибирск. Историко-географический атлас. Москва, 1993. С. 12.

⁹ История Кузбасса. С. 205.

¹⁰ Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 174–175.

¹¹ См.: Сибирские письма: Томск (торжество культуры) // Сибирские вопросы. 1910. № 40–41. С. 23–25; Сибирская жизнь (Томск), 1914. 15 марта; Утро Сибири (Томск), 1913. 23 февр.; Афанасьев А.Л. Летопись трезвенного движения в Сибири и на Дальнем Востоке в 1901–1914 гг. // Материалы к хронике общественного движения Сибири 1895–1917 гг. Томск, 1995. Вып. 2. С. 179–183.

Н. В. Елизарова

**О пьянстве сибиряков в конце XIX – начале XX века.
(По материалам дореволюционных периодических изданий)**

Одной из самых болезненных проблем, существовавших на территории Западной Сибири, было пьянство населения, которое в конце XIX – начале XX в. распространилось до катастрофических размеров и стало своеобразной формой досуга. «Современный кабак с его грязной и растлевающей обстановкой привлекает массу посетителей, значительная часть которых идет в этот вертеп не только для того, чтобы распить определенную порцию вина... там нередко можно встретить людей совершенно непьющих, просиживающих в кабаке целые часы, – анализировал жизнь обывателей Акмолинской области в 1901 г. корреспондент газеты "Сибирский вестник". – Кабак к себе притягивает не одним вином, нет, кабак служит своего рода клубом для простого и бедного люда»¹. Корреспондент газеты «Енисей» в 1899 г. писал: «Скучна жизнь деревни и бедна развлечениями, а благодаря этой бедности кабак – единственное развлечение деревни»². Подобное времяпровождение имело место, отчасти, ещё и потому, что среди сибирского населения общий уровень культуры, не смотря на различия социального положения, был очень низким.

Не было практически ни одного сословия, которое бы не затронула проблема пьянства. Крестьяне начинали пить с очень раннего возраста, ещё детьми, поскольку все взрослые в их окружении злоупотребляли алкоголем. Об этом отрицательном влиянии на детей упоминает священник Тобольской епархии Стефан Аталыков: «В селе Пыгановском, к сожалению сказать, очень развито пьянство; большие и маленькие в праздничные дни проводят время около кабаков. Первые пьют, а у последних запечатлеваются в молодых сердцах дурные примеры»³. Таким образом, в сознании сибирского крестьянина изначально сформировалась положительная нравственно-этическая позиция относительно дозволенности пьянства. Это было следствием неверных традиций, получивших распространение в деревенской среде, и неверных примеров, ставших юношеству образцом для подражания.

Массовая попойка устраивалась на так называемые съезжие крестьянские праздники. «Вместо того чтобы в праздник ехать в свою приходскую церковь к обедне, или... помолиться дома, начинается с самого утра поголовная попойка, – констатировал священник Иннокентий Литвинцев. – Старые и молодые мужчины и женщины, безобразно пьяные, юноши и взрослые девицы ходят из дома в дом целой вереницей с песнями и под звуки какой-либо деревенской музыки и так проводят время в течение трех и четырех дней, не исключая и ночей. Иные до того заражаются пьянством, что пропивают последнее с себя, несут неми-